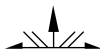

⚡ колдовские ⚡ МИРЫ ⚡

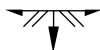

⚡⚡⚡⚡⚡ ⚡⚡⚡⚡⚡ ⚡⚡⚡⚡⚡
МАРИНА ЕФИМИНЮК
⚡⚡⚡⚡⚡ ⚡⚡⚡⚡⚡

⚡⚡⚡⚡⚡ ⚡⚡⚡⚡⚡

БЕСТРАШНАЯ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на обложке *И. Косулиной*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91   Бесстрашная / Марина Ефиминюк. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-162570-2

В городе, где тесно переплетаются магия и интриги, неприятности поджидают на каждом шагу, но неунывающая, бойкая газетчица Катарина Войнич ради карьеры готова рискнуть головой. Судьба подбрасывает ей уникальный шанс добиться успеха и написать статью о загадочном ночном курьере-маге. Теперь бесстрашной газетчице придется использовать все таланты, чтобы разгадать тайны своего прошлого, справиться с детскими страхами и наказать виновных в смерти родителей. И еще понять, что чувствует к ней новый знакомый Ян, и так ли он прост на самом деле...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефиминюк М., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162570-2

Пролог

Тишину старого кладбища тревожило злое карканье ворон. Птицы примостились на золотой спирали, печально тянувшейся к небу от купола молельни, и с неодобрением следили, как гробовщики из местных раскапывали один из провалившихся могильников.

Дорожки кладбища походили на разбухший кисель, но на глубине земля оставалась промерзшей, словно монолит. Наточенные лопаты с лязгом вгрызались в мерзлоту, и на краю ямы, достававшей могильщикам до пояса, росла гора глинистых комьев.

Насильно убиенных было принято хоронить поближе к молельне, чтобы несчастные души не шаркались по миру, а искали покоя в святилище. Место располагалось в низине, и каждый год, как сходил снег, какая-нибудь могила обязательно проваливалась. Смотрители давно привыкли к весенним переездам мертвяков и даже поджидали сезона, ведь паршивая работенка неплохо оплачивалась родственниками покойников.

Могильщики исподтишка поглядывали на дорого одетого сунима¹, приехавшего на раскопку за

---

¹ Господин.

полчаса до назначенного срока. Когда работники, схватившись с двух концов, с кряхтением перетаскивали надгробную плиту и без особенного почтения прислонили к соседнему склепу, то господин вытащил из рукава шелковый платок и принялся вытирать покрытые плесенью черные литеры. Особенно тщательно отчистив имя «*Зои Каминская*», аристократ огляделся, словно ища, куда выбросить грязный платок, а не найдя, скомкал в кулаке, то ли постеснявшись, то ли пожадничав бросить на землю.

Раздался глухой удар о крышку гроба. Копатели заработали слаженнее, надеясь поскорее покончить с жутковатым переселением, получить монеты и выпить за упокой потревоженных душ. Земля фонтаном разлетелась из могилы, заставляя высокородного сунима пятиться назад.

Наконец показалась светлая полированная крышка детского гробика, сохранившаяся во влажной глубине даже за пятнадцать лет. Видимо, на похороны не пожалели денег, и дерево обработали специальным заклятьем против гниения.

Кое-как могильщики вытащили ящик в форме вытянутого шестиугольника, оказавшийся на удивление тяжелым. Аристократ с волнением следил за рабочими, тащившими ношу к телеге. Неожиданно один из могильщиков поскользнулся, зашатался, стараясь вернуть равновесие, но все равно, матюгнувшись, выронил гроб. Ящик рухнул на землю, крышка отлетела, и оттуда на глазах у побледневших свидетелей выкатились речные валуны. Со звоном раскололось о камень белое личико вылетевшей из

гроба фарфоровой куклы. Одним уцелевшим глазом бедняжка уставилась в серое небо.

Люди боялись пошевелиться. В пугающем безмолвии старого кладбища громко прокаркала кликуша-ворона, словно насылая проклятья на головы разорителей. Птица не понимала, что ругалась из-за пустого гроба, где никогда не лежала маленькая девочка с красивым именем Зои.

I

ГАЗЕТЧИЦА

Прятаться в шкафу театральной гримерки было паршиво, душно и темно. От костюмов, норовящих соскользнуть с плечиков, несло застарелым потом и лавандовой присыпкой. Сквозь щелку между приоткрытыми створками виднелась тускло озаренная магическими огнями комната. Лампы реагировали на движение, и в отсутствие хозяйки, восходящей звезды Жулиты, тесная комнатуха погрузилась в полумрак.

Сидя на круглых шляпных коробках, я прижимала к груди магический гравират¹ и безуспешно боролась со сном. Глаза слипались, а в голове начинали кричать чужие голоса и мелькать неясные образы.

Наверняка от долгого сидения в неудобной позе мне грозило защемление в спине, но чем не пожертвешь ради центральной колонки в газетном листе «Уличные хроники»? Даже притаишься в шкафу театральной гримерки, лишь бы найти подтвержде-

---

¹ Г р а в и р а т — устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

ние скандальной сплетни о тайном романе Жулиты с королевским посланником в Гнездиче Чеславом Конопкой.

Не совладав с тягучей дремотой, я выпустила из ослабевших пальцев магический гравират. Хрупкое устройство прокатилось по коленкам, как по горке, и со звоном вывалилось на дощатый пол.

— Да чтоб тебя!

Оставалось молиться, чтобы единственная слюдяная пластина не разбилась. За магическое устройство я отвечала головой, даже расписку с оттиском большого пальца давала, что стану беречь конторское имущество не хуже девичьей чести, а потому ужасно боялась его попортить. Рискованно высунувшись наружу, я потянулась, но лишь мазнула кончиками пальцев по деревянному корпусу. Пришлось вылезти на половину торса. От движения в комнате вспыхнули яркие магические лампы. Отразились в зеркале сверкающие огоньки. Поспешно схватив устройство, я неловко втянулась обратно в шкаф, сдернув с вешалок половину несвежих театральных платьев.

Только огни остыли, как в гримерную комнату вплеснулся коридорный гвалт, и помещение вновь залил яркий свет. Затаившись под ворохом платьев, я прислушалась к голосам и звукам.

— Премного благодарна! — Голос актрисы Жулиты звучал певуче. Наверняка исправляла надорванную хрипотцу, характерную для театральных актрис, магическим амулетом.

— Все подарки позже! — Импресарио пытался избавиться от прытких поклонников. — Позже, я сказал!

Сердито шибанула входная дверь, категорично звякнула щеколда.

— Достали! — процедила Жулита. — Савушка, закрой защелку, а то пролезут, как тараканы!

Через щелку между створками я видела, как она повалилась в кресло и, схватив с гримерного столика веер, принялась обмахивать лицо, лоснившееся от толстого слоя театрального грима.

— Душенька, с каждым днем твой талант все крепчает! Ты была неотразима! Не играла, а жила на сцене! — Рядом со звездой появился типчик в желтом камзоле. — По тебе плачут подмостки столицы!

— Тогда почему они плачут в Алмерии, а я сижу в занюханном Гнездиче?! — рявкнула актерка.

Даже на мой непритязательный вкус полного профана, Жулита являлась абсолютной бездарностью, а на сцене кривлялась почище некоторых паяцев в цирках шапито. Да и псевдоним выбрала похожий на собачью кличку.

— Они глупы! Но скоро, душенька, наша жизнь изменится... — глядя на актерку, с раздражением вытаскивавшую шпильки из тугих кудельков на голове, пообещал Савушка.

— Он приводил тех людей на спектакль? — замерев, с надеждой в голосе воскликнула она.

— При-во-дил! — по слогам отчитался Савушка.

— Им понравилось?

— Без сомнений! Гости из столицы выглядели очень довольными! Я уверен, что наш переезд — это просто дело времени!

Усатая физиономия импресарио, отраженная в кривоватом гримерном зеркале, расплылась в сы-

той улыбке. Жестом фокусника он вытащил из кармана для часов сложенную записочку.

— Держи, душенька!

Актерка с жадностью вырвала бумаженцию, развернула и принялась читать.

— Что он пишет? — полубопытствовал усатик.

— Что его друг замолвит за меня словечко перед директором Алмерийского театра! — Со счастливым видом прижала письмо к груди и мечтательно улыбнулась: — Я буду выступать на большой сцене!

— Я же говорил, что нужные связи нас до столицы доведут! — довольно протянул Савушка.

— Давай же, зови его! — приказала актерка и принялась с азартом обмахиваться пуховкой, но не успел импресарио дойти до двери, как прозвучало: — Постой! Дай мне розовые благовония, я взопреда на сцене, как доярка!

— А где же они, душенька? — растерялся Савушка.

— В шкафу...

В моем шкафу?! Предчувствуя полное крушение надежд на хорошую колонку, я испуганно выпрямилась.

Савушка подошел, желтый камзол заполнил щелку между дверцами. Тут створки стали раскрываться, и у меня на лице расцвела наиглупейшая улыбка, ведь с серьезным лицом поздороваться из одежного шкафа смогла бы разве что последняя идиотка или прожженная аферистка, а я ни той, ни другой себя не считала.

— Ах, вот же они! — неожиданно воскликнула актерка. Избежав разоблачения, я неслышно перевела дыхание.

Пока импресарио зазывал любовника подопечной, та поспешно прихорашивалась, покрыла губы алой помазулей, почмокала губами. Наконец раздался скрип открываемой двери, и в тесной примерке прогрохотал бас:

— Ты была невероятна!

В поле зрения появился Чеслав Конопка, королевский посол в Гнездиче, и я возликовала от счастья. Меня никогда не подводило чутье настоящей газетчицы!

Поговаривали, что в провинцию из столицы его отправили за какую-то нелицеприятную историю, сильно досадившую Его Величеству.

— Чеслав, как вы уговорили их прийти на премьеру? — грудным голосом воскликнула Жулита.

— Я не уговаривал, моя нима¹. Слава о вас давно достигла столичных гостиных!

Посол взял маленькую ручку актрисы и, прикрыв глаза, страстно прижался губами к ладошке. Через секунду, к моему абсолютному восторгу, он сдернул девицу с кресла и сжал в страстных объятиях.

— Стойте же, безумец! — слабо отмахивалась она. — Закройте дверь! Вдруг кто-нибудь войдет?

— Наплевать! Пусть все знают, что я пылаю к вам чувствами! — запальчиво заявил посол, но меж тем даму из рук выпустил и дверь закрыл на шеколду.

В страстном порыве, голодный до женской ласки, он опрокинул любовницу на золотистую козетку. Мелькнув туфельками, Жулита повалилась на подушки, и до меня донеслись чмоки, охи и невнятное бормотание гудящим посольским басом.

---

¹ Госпожа.

Найти удачный ракурс через щелку между дверными створками у меня никак не получалось. Ведь переплетенные ноги любовников совершенно не тянули на центральную колонку, а только на нагоний от шефа — за испорченную слюдяную пластину. Прикусив губу, я осторожно приоткрыла дверцы, отозвавшиеся неожиданным скрипом. Охваченная страстью парочка не заметила подозрительной активности, а мне удалось высунуться настолько, чтобы разглядеть картину прелюбодеяния во всех смущающих деталях и мазках.

Шефу должно было понравиться!

Мысленно потирая руки в предчувствии премии, я сняла с объектива гравирата крышку. Раздался тихий щелчок, и объятия любовников навсегда запечатлелись на слюдяной пластинке.

Добыв отличный оттиск, я попыталась залезть обратно в платяное нутро, но неуклюже запуталась в ворохе платьев. Шкаф истерично затрясся, гравират стал ускользать из рук. Пытаясь его поймать, завернутая в кокон тряпья, как большая гусеница, я вывалилась наружу.

Любовники отпрянули друг от друга, как ошпаренные из ушата коты, и стали поспешно поправлять одежду. Пока я барахталась на полу, освобождаясь от тряпичных пут, Конопка завязывал шнуровку на приспущенных штанах, а Жулита натягивала на плечи платье.

— Добрый вечер! — прокаркала я и резво вскочила на ноги.

— Нима, вы кто такая?! — остолбенел посол.

— Катарина, — для чего-то прояснила я и мгновенно соврала: — Помощница театрального иллюзиониста.

— Но в театре нет иллюзиониста, — ошеломленно пробормотала Жулита с дивана.

— А с кем же я, по-вашему, на чердаке репетировала?

— А почему из шкафа вывалилась?! — взвился посл.

— Так ведь фокус такой! — удивленно развела я руками. — Меня маг в шкафу на чердаке запер, палкой по дверце поколотил, а вывалилась я уже отсюда. Магическое перемещение в пространстве. Слышали о таком?

Любовники, выказывая завидное единодушие, воззрились на разоренный шкаф с переметыми шляпами и сорванными с вешалок костюмами.

— Какой еще палкой? — выдавил из себя Чеслав Конопка, видимо, подозревая меня в буйном помешательстве.

— А что, вы знаете много палок? — фальшиво удивилась я.

— Я вообще не знаю палок.

— Так, может, я вам ее принесу?

— Что?

— Волшебную палку, которая из чердака в гримерку перемещает, раз шкаф вы уже видели. Может, вам тоже захочется?

— Переместиться на чердак?

— Зачем на чердак? Из дома прямо сюда. Перемещение без пересадок. — Я прошмыгнула к двери.

— Нима, а разве ж у вас в руках не гравират? — растерянно уточнила актерка.

Смешавшись, я посмотрела на магическое устройство, выдававшее во мне профессиональную охотницу за скандалами, и делано хохотнула:

— Так эта штука гравиратом называется? Надо же...

В следующий момент я рванула щеколду и, выскочив в коридор, пихнула плечом дежурившего под дверьми посольского стража.

— Отберите у нее гравират! — донеслось мне в спину.

Вырвавшись в проулок, я юркнула в нишу, где лежала моя припрятанная сумка, и вжалась в ледяную стену. Стражи высыпали следом, едва не снеся дверь, и с недоумением помедлили.

— Где она? — прогудел один.

— Туда! — предположил другой.

Они пронеслись в шаге от меня, а когда стих топот сапог, я высунулась наружу. Озаренный масляным фонарем проулок был пуст. Опасность миновала. Перекинув сумку через плечо, я натянула на стриженные волосы шапку и со стороны стала похожей на худенького мальчишку-школяра в широких штанах.

Путь к омнибусной станции, откуда уходили тяжелые многоместные экипажи, лежал через опустевший по позднему часу рынок. В торговых рядах было тихо и пустынно. Окна лавчонок скрывали ставни, а над притолоками светились магические спирали охранных заклятий.

Обычно я избегала безлюдных мест, неизменно вызывавших настороженность. Мне всегда казалась какая-нибудь бесовщина или грезилась воров.

И в этот раз привиделось, будто по деревянной стене соседней лавчонки скользнула человеческая тень. Я резко развернулась и проверила чисто выметенную ночными дворниками улицу. За спиной никого не было...

И в следующий момент кто-то грубо дернул ляжку моей сумки. Холстина возмущенно затрепала, торба упала под ноги. Внутри жалобно тренькнул гравират, и в голову пришла несвоевременная мысль, что за разбитое конторское имущество шеф меня четвертует. Если, конечно, от меня что-нибудь останется.

Ловко ускользнув из рук вора, я развернулась и увидела перед собой высокого мужчину, прятавшего лицо под маской. Действуя инстинктивно, я выбросила руку и попыталась сдернуть с противника темный лоскут, но лишь бесполезно махнула руками, едва не потеряв равновесия. С головы вора спал капюшон, открыв темные волосы и высокий гладкий лоб.

— Тихо! — приказал он и вдруг до боли вцепился в мои запястья, развернул меня в немыслимом па и прижал спиной к своей груди. Мы замерли.

— Эй, послушай... — прошептала я. У меня сбилось дыхание, как безумное, барабанило сердце.

— Тш-ш.

— Ты делаешь мне больно...

— Не шевелись.

Вор насильно заставил выставить руку и разжать стиснутые в кулак побелевшие пальцы. В сумеречном свете рыночных фонарей тускло блеснуло лезвие ножа. Острая кромка вгрызлась в ладонь, из пореза густо выступила кровь. От страха грудь стянуло

огненным обручем, дыхание перехватило, и наполненная моей кровью склянка причудливым образом раздвоилась перед глазами.

Видимо, почувствовав, что я обмякла, противник ослабил хватку и прошептал мне на ухо:

— Больше не поступай так безрассудно. Не дерись, а беги. — От вкрадчивого голоса, приглушенного маской, становилось жутковато. — Не стоит выставлять себя бесстрашной, иначе в следующий раз ты можешь погибнуть...

Он неожиданно раскрыл объятия, и, оставшись без опоры, я рухнула на брусчатку. Вор исчез бесшумно и незаметно, так же как появился. Кое-как дотянувшись до отброшенной сумки, дрожащими руками я нащупала среди ненужных мелочей флакон с успокоительным снадобьем. Опрокинув в себя половину горькой, как жженка, настойки, я свернулась клубочком, уткнулась лбом в колени и принялась считать секунды.

Одна, две, три...

Из груди вырвался жалобный всхлип. Со злостью я сжала зубы, не давая себе расплакаться.

В стражем пределе царил влажный холод. Посреди зала стоял очаг с тлеющими углями, но тепла от него шло мало. Зато в отличие от обогрева на освещении стражи явно не сэкономили. С потолка лился яркий свет от магических кристаллов, впрочем, совершенно не мешавший храпеть пьянчуге на полу большой камеры-клетки.

Поглядывая на меня с плохо скрываемым раздражением, издерганный дознаватель разгладил деревян-

ной линейкой желтоватый лист писчей бумаги, вытащил из пера волосинку и обмакнул его в чернильницу.

— Имя? — резко произнес он, приготовившись записывать показания.

— Катарина Войнич.

— Что у вас стряслось, нима Войнич?

— У меня ничего не стряслось, на меня напал вор, — спокойно поправила я, чем заработала еще более раздосадованный взгляд.

— У вас что-то украли?

— Кровь.

— А?

— Да. — Я продемонстрировала ладонь, перемотанную запятым бурими разводами носовым платком. — Он на меня напал, порезал и взял кровь.

Перо замерло над листом. На кончике собралась крупная чернильная капля и, сорвавшись, темной кляксой впиталась в шероховатую бумагу.

— Всего-то?

— По-вашему, это недостаточная причина, чтобы написать жалобу в стражий предел?

— Ну... он же вас не до смерти зарезал.

— А зарезать можно как-то по-другому? — вырвалось у меня. — Если бы он меня убил, я бы не сидела перед вами! Логично? Можете приписать, что меня еще избили! Посмотрите вон — все руки в синяках!

Подняв рукава куртки, я продемонстрировала запястья с темными следами от чужих пальцев.

В этот момент женщина по соседству, взывавшая к сочувствию молоденького стража, вдруг вцепилась себе в волосы и завывала в голос. Она что-то причитала на диалекте алмерийских равнин, и бедняга, оче-

видно, незнакомый с восточным наречием, в панике закрутил головой, точно выискивая в приемной зале переводчика. Паникующий взгляд остановился на мне, и я быстренько покачала головой, давая понять, что в диалектах ни бе ни ме ни кукареку. Не найдя другого выхода, он протянул дамочке носовой платочек с трогательно вышитыми незабудками, куда та немедленно со вкусом высморкалась.

Я переглянулась со своим хмурым дознавателем.

— Вы можете описать вора? — продолжил он более миролюбиво. Видимо, оценил, что ему досталась дамочка с крепкой нервической системой, по крайней мере, не лившая слезы.

— Он был высок, одет в черное и скрывал лицо под маской.

— Хорошо, так и запишем... — Перо шустро побежало по листу, выводя неровные каракули. — Жертва не успела разглядеть преступника.

— Что значит не успела? — возмутилась я. — Когда мы подрались...

— Вы подрались? — поперхнулся дознаватель.

— По-вашему, мне следовало протянуть ему руку и разрешить порезать себя без боя? У него спал с головы капюшон...

— И? — Страж, кажется, стал проявлять интерес.

— Я точно знаю, что он брнет с темными глазами без каких-либо родимых пятен на лбу.

— Ясно. — Служитель порядка принялся что-то строчить с видом лекаря, поставившего больному диагноз — сумасшествие.

С тоской я огляделась вокруг, в душе посочувствовала рыдающей нине. Интересно, ей тоже зая-

вили, что только смерть — достаточный повод для обращения в стражий предел?

И тут взгляд остановился на щите с гравюрами разыскиваемых преступников. В окружении неприятных физиономий висело размытое черно-белое изображение моего рыночного вора. Судя по всему, объектив чужого гравирата настиг его совершенно случайно, мужчина стоял вполоборота, и лица было не разобрать.

Вскочив со стула, я стремительно пересекла приемную и сорвала со щита изображение. Кажется, при этом весь зал замер от изумления.

— Нима, вы зачем безобразничаете?! — рявкнул сердитый дознаватель.

— Вот он! — Я шлепнула портрет прямо на исписанный детскими каракулями лист. — Человек, который напал на меня. Это он!

В лице стража промелькнула глухая ненависть. Прикрыв на секунду глаза, он вздохнул и пробормотал себе под нос:

— Откуда ж ты такая глазастая взялась, нима?

— Простите? — изумилась я, не понимая, чем опять не угодила придирчивому блюстителю порядка, если избавила нас обоих от долгих объяснений.

— Вызывайте дознавателя Новака из центрального предела! — последовал приказ.

— Кого?

Через час, замерзнув, как цуцик, в мрачной комнате для допросов, я искренне сожалела о собственном отличном зрении. Время перевалило за полночь, ко мне никто не шел, и складывалось подленькое ощущение, что обо мне забыли.

Рука, вначале болевшая просто невыносимо, совсем успокоилась, как будто ладонь не порезали, а слегка поцарапали. Я сжала и разжала кулак, присмотрелась к окровавленному платку, скрывавшему рану, а потом из любопытства осторожно отодвинула ткань, приготовившись к душераздирающему зрелищу. Вместо глубокой раны перепачканную ладонь пересекал тонкий, аккуратный шрам, напоминавший розовую ниточку.

— Нима Войнич? — раздался из дверей тихий мужской голос.

Шокированная неожиданным излечением, я даже не сразу поняла, что ко мне кто-то обращался. За стол уселся заспанный тип с тонкой сеточкой на грязных волосах. Раскладывая бумаги, он широко зевнул в кулак.

— Извините, у вас... — Я показала пальцем себе на макушку.

Смутившись, страж сдернул сеточку с головы и спрятал в карман замусоленного плаща.

— Я Амадеус Новак, дознаватель центрального стражьего предела, — поспешно представился типчик и протянул именную карточку с королевским гербом в уголке. — Вы утверждаете, что на вас напал ночной посыльный?

— Кто? — переспросила я.

Указательным пальцем Амадеус придвинул уже знакомую гравюру высокого мужчины в черных одеждах. Невольно бросилось в глаза, что руку дознавателя украшал золотой перстень с прозрачным камнем, стало ясно, что страж был не настолько прост, насколько пытался казаться.

Растерянность, суетливость и даже небрежность являлись частью образа, призванного одурачить окружающих. В королевстве не каждый дознаватель получал разрешение на амулет, распознающий ложь: случайно такие магические артефакты не вручали. Я узнала о таких магических поощрениях полгода назад, когда писала колонку про служителей порядка.

— Ночной посыльный, — повторил Новак. — Вор, которого мы пытаемся поймать не первый год, но он неуловим и ловок.

Мы встретились с дознавателем глазами.

— Личная информация, чужие секреты, магические артефакты — любой каприз за деньги клиента. — Голос у собеседника звучал тихо, вкрадчиво. — Никаких моральных принципов. Никто не видел его лица, не знает возраста. Мы даже не можем выяснить настоящего имени. Он похож на призрак.

Не призрак — думалось мне, идеальный хищник, умеющий предугадывать каждое следующее движение противника, легко уходящий от удара. Продуманный и осторожный. Даже ранил заговоренным ножом, чтобы не осталось следов и доказательств нападения, только пустые слова.

— Он напал на меня на рынке, порезал и взял кровь, только вот...

— Только что?

Я быстро сняла повязку и продемонстрировала зажившую ладонь с черными полосками грязи по линиям судьбы.

— Ничего не осталось.

— Вы разглядели вора? — Амадеус не выглядел удивленным.

— Брюнет, высок, одет в черное. И знаете...

Перед мысленным взором вновь появились темные бездонные глаза, силуэт носа и рта, спрятанные под черной маской.

— Мне показалось, что он не стар. Точно не старше тридцати лет. — Я помолчала. — Выходит, я стала его следующим заказом? Почему?

Амадеус пожал плечами.

— В голову приходит только одно объяснение. Если вы остались живы, то, вероятно, он просто разыскивает кого-то по заказу клиента. С помощью крови и специальных кристаллов маги определяют родство между людьми. Подумайте, нима Войнич, вас кто-нибудь может разыскивать?

— Нет.

Я быстро покосилась на амулет дознавателя. Камень оставался кристально чистым. Что ж, я и не солгала — просто отказалась верить. Не могли же меня искать *те* люди, мои настоящие родители, пятнадцать лет назад выбросившие в мусорную яму немую дочь?

Мне было страшно до онемения. Накрытая грязным пледом, я прижимала к подбородку острые коленки и кусала губы, чтобы сдержать всхлипы. Безликая женщина усадила меня в мусорную яму, накрыла полуистлевшей тряпкой и велела молчать. Иначе меня, маленькую испуганную девочку, найдет чудовище.

Оно рыскало рядом. Я различала его тяжелые шаги и, кажется, даже дыхание. Оно приближалось. Чтобы сдержать ужас, я до боли прикусила ладонь.

Чем громче звучали шаги, тем сильнее сжимались мои зубы. Боль отрезвляла, даже чуточку отпугивала животный страх, охватывающий меня от макушки до босых ступней.

Чудовище остановилось совсем рядом! Я съежилась, задержала дыхание... и вдруг с моей головы сняли замусоленный покров.

— Не убивай меня, пожалуйста, — желая превратиться в крошечную мушку и улететь подальше, проворчала я. — Пожалуйста, не делай мне больно...

Молчание. Медленно я подняла голову. Сверху вниз на меня смотрел человек с лицом, скрытым маской.

— Попалась, маленькая нима?

С криком я уселась на кровати и, диковато оглядевшись вокруг, не сразу сообразила, что находилась в собственной безопасной спальне. В воздухе стоял знакомый аромат перечной мяты, за многие годы буквально въевшийся в стены с дешевой тканью. За окном цвело солнечное утро, рассыпались звонкими колокольчиками весенние птицы.

Мир жил, пробуждался от ночной дремы, и не было никакого чудовища, мусорной ямы или вора в черных одеждах. От столкновения с ночным посылным накануне ночью не осталось ни одного напоминания, только зернистая гравюра, подоткнутая под раму зеркала.

В комнате еще горела лампа, и тусклое сияние растворилось в ярком утреннем свете. Спустив босые ноги на ледяной деревянный пол, я потянулась, чтобы потушить ночник, но заметила, что на столике пульсирует красными всполохами маги-

ческий вестник¹, выданный мне в конторе вместе с гравиратом.

Я потеряла пересеченную трещиной слюдяную пластину устройства, и в кончики пальцев ударило заметным магическим разрядом, словно намекавшим, что отправлявший послание человек находился в страшном раздражении, не сказать в гневе.

— Войнич!!! — разрезал тишину спальни визгливый вопль шефа «Уличных хроник», и в голове, словно живая, промелькнула картинка плюющегося от гнева, потрепанного жизнью редактора. — Как ты думаешь, какой новостью сегодня заполнятся все щиты города? Правильно! Новость о романе Жулиты и Чеслава Конопки, и только мы расскажем о королевской цветочной ярмарке! А знаешь почему?..

Как газетчики прознали про *мою* новость, если я сама только вчера впервые сумела застучать голубков за известным занятием?!

Под вопли возмущенного шефа я соскочила с кровати и принялась спешно собираться, мысленно представляя толпу газетчиков, штурмующих особняк актрисы... а я не в гуще событий!

Сжимая под мышкой позвякивающую магическими устройствами торбу, я выскочила из спальни и пронеслась мимо кухни, представлявшей собой островок мирового спокойствия. За кухонным сто-

---

¹ Магический вестник — портативное устройство со встроенным магическим кристаллом для получения коротких голосовых сообщений. Устройство работает в одностороннем порядке. Напоминает деревянный ящичек с прозрачной крышкой из слюдяной пластины.

лом с выскобленной столешницей, читая манускрипт по мужским болезням, вкушал утренний кофе отец. При виде меня родитель изогнул брови и протянул крошечную фарфоровую чашечку:

— Завтрак?

Он являлся счастливым обладателем богатого телосложения и огромных ручищ, больше подходивших костолому, нежели потомственному травнику, а потому хрупкую кружечку держал двумя пальцами, кокетливо оттопыривая мизинец.

Недолго думая, я бросилась к чашке, одним глотком опрокинула в себя горький напиток и обтерла рукой губы. От таких манер моего бывшего учителя этикета из Института благородных девиц, наверное, хватил бы удар. Вот бы мне получился подарок!

— Все! — Я чмокнула отца в густо надушенную благовонием щеку. — Опаздываю!

— Дорогая, — сдержанно произнес папа, — я, конечно, не берусь утверждать, но мне кажется, ты кое-что забыла.

— Что? — Я помедлила и для порядка потрясла сумкой, проверяя, на месте ли гравират. — Вроде все взяла.

— Ты забыла надеть штаны.

Опешив, я осторожно опустила голову и с изумлением обнаружила голые ноги, жалко, словно в стакане, торчащие из широких голенищ кожаных сапог.

— Эм?

— Да... — кивнул родитель и подлил себе густого напитка из высокого медного кофейника.

Наверное, если бы отец не держал аптекарскую лавку на первом этаже нашего особняка, виновницу

неистребимого запаха лекарственных снадобий, то точно открыл бы собственную едальню, где подавал обожаемый им кенерийский кофей и засахаренные цукаты. Тогда, возможно, моя одежда пахла бы густым терпким ароматом кофейных зерен, а не бальзамом «Тысяча и одна трава».

— Пожалуй, натяну порты, — пробормотала я.

— Было бы неплохо, — согласился он.

С независимым видом я попыталась повесить на плечо сумку и едва успела ее поймать, ловко подставив колени, ведь после вчерашней встречи с вором ляжка была порвана.

— И возьму другую сумку.

Сдвиг падающую на глаза челку, я горделиво прошлепала обратно в спальню, где резво натянула узкие кожаные штаны, побросала вещи из одной матерчатой сумки в другую и выскочила в коридор. Оценив мой облагороженный портками вид, отец почесал густую бороду и заметил:

— В штанах ты выглядишь приличнее, чем без них.

— Благодарю.

Не заботясь о том, что нимама надлежало ходить медленно, высоко задрав подбородок и выпрямив спину, я пронеслась по Кривому переулку и едва не пропустила нужный омнибус¹.

Актерка Жулита жила на Королевском холме, где находились резиденции гнездинской знати, и путь к ее дому лежал по выложенной гладкой брусчаткой

---

¹ О м н и б у с — конная общественная карета с платными метами для пассажиров и регулярным маршрутом, в том числе междугородним.

дороге, круто поднимавшейся в гору. Пока я добралась до нужной улицы, нешуточно выдохлась. В боку закололо, а рубаха на спине взмокла.

Особняк с изящным крыльцом и черепичной крышей осаждала разномастная толпа газетчиков. Если бы на воротах не стояли угрюмые стражи, то наверняка охотники за сплетнями давно бы стучались в узкие окна с белыми рамами и сбивали с подоконников пустые цветочные ящики, по всей видимости, буйно цветшие летом.

— Откуда ж вас столько набежало-то? — Я с тоской огляделась вокруг. Складывалось ощущение, что коллеги по газетному цеху приготовились к долгой осаде.

Особняк выглядел неживым. Оставалось разве что вернуться ночью, когда в комнатах зажгут магические лампы, и попытаться сделать пару гравюрных оттисков в озаренных окнах. Я на глазок оценила высоту забора с острыми пиками на вершинах прутьев, и желание перелезть на территорию особняка под покровом темноты мигом пошло на убыль. Очень не хотелось насадить саму себя на кованое жало.

— Нима Войнич, что-то ты сегодня припозднилась, — отвлек меня от размышлений гнусавенький голос Пиотра Кравчика, газетчика из «Вестей Гнездича».

С елеинной улыбкой на устах я повернулась к худосочному типу с изъеденным оспой лицом.

— Суним Кравчик, давно не виделись.

И не видеть бы тебя еще столько же, змеюка подколодная!

За его плечом маячил помощник, мальчишка лет семнадцати с гравиратором на плече. Пиотра я не любила даже не за самомнение и не за личные карточки с гербом «Вестей Гнездича» на лицевой стороне, а за личного школяра.

— Вот скажи, Катарина, — обнажая потемневшие от жевательного табака зубы, улыбнулся Пиотр, — как ты выживаешь в нашем ремесле, если все время оказываешься последней? Хочешь совершенно бесплатный совет?

— Суним Кравчик, вы обычно столько советов даете... Не бойтесь, что придется подвинуться на тепленьком местечке, если ими кто-нибудь воспользуется? — недвусмысленно намекнула я, чтобы он закрыл рот.

Пиотр действительно закрыл рот, да так, что щелкнули зубы.

— Снимай окна и поехали отсюда, — не сводя с меня уничижительного взгляда, рыкнул он помощнику.

— Так мы же только приехали... — слабенько воспротивился тот, и у меня вырвался издевательский смешок. Пиотр злобно зыркнул в сторону мальчишки. Бедняга мгновенно принялся расчехлять гравиратор с кожаной гармошкой мехов и большим объективом.

— Подвиньтесь, нима Войнич, — с официозом велел Кравчик и махнул рукой. — Вы нам вид загораживаете.

И тут из-за поворота показался закрытый экипаж без опознавательных гербов, запряженный ходкой лошадкой. Заставляя народ расступиться, карета проехала к особняку, и газетчики взбурлили, пытаются угадать, кто же прятался за кожаными занавеска-

ми. Стражи открыли ворота. Неизвестный визитер беспрепятственно въехал во двор.

— Как только выйдет, снимай! — рявкнул Пиотр своему помощнику, когда дверца кареты отворилась.

Пока высокий суним в дорогом плаще спускался с подножки, улица заполнилась щелчками гравиратов. С безразличным видом мужчина повернулся к толпе, и через объектив я разглядела известного на весь город судебного заступника Кастана Стомму, обладателя ледяных серых глаз, породистого лица и старшего брата-мэра.

С разочарованным видом народ принялся чехлить гравираты, ведь печатать портреты Стоммы-младшего решился бы лишь отчаянный смельчак или откровенный кретин. Последний газетный лист, написавший сплетню о его предположительном романе с третьей принцессой Алмерии, оказался втянутым в долгое судебное разбирательство и в итоге с центральных переулков переселился на новостные щиты, стоявшие за городскими стенами.

Пусть «Уличные хроники» печатались на желтой бумаге¹ да и вывешивались на небольших рыночных площадях, где публика знала грамоту через одного, но гравюра судебного заступника, пускай и самого желанного холостяка Гнездича, точно не стоила последующих тяжб.

---

¹ Развлекательные газетные листы, живущие за счет платных объявлений, ради экономии выпускают на желтой бумаге. Оттуда исходит понятие «желтой прессы», ставшее синонимом недобросовестных газетных листов с грязными сплетнями и небылицами о знаменитостях.

— Расходитесь, господа, — громко произнес он притихшей толпе, и некоторые газетчики принялись собирать вещи.

Удовлетворившись произведенным эффектом, Кастан твердой походкой направился к крыльцу, но вдруг помедлил. Снова повернувшись к улице, он обвел нас, газетчиков, долгим взглядом, а потом вдруг уставился прямо на меня. Некоторое время мы разглядывали друг друга с безопасного расстояния, а потом судебный заступник махнул рукой, точно приглашая меня составить ему компанию. Не понимая, чего он хочет, я пару раз хлопнула ресницами.

— Вы! — определенно указал он рукой, затянутой в перчатку. — Шустро идите сюда!

Народ опешил. Впрочем, я тоже и на всякий случай ткнула пальцем себе в грудь, уточняя, не ошибся ли суним Стомма адресом.

— Разве вы приехали не за интервью?

— А?!

Даже на расстоянии мне удалось разглядеть, как брови мужчины недоуменно изогнулись. В моей голове галопом заскакали лихорадочные мысли. Соблазн получить уникальные оттиски был огромным... как и опасения оказаться разоблаченной. Очень живо вспоминалось, с каким непритворным изумлением меня, кубарем вывалившуюся из шкафа, разглядывала полуобнаженная актриска.

— Суним Стомма! Я представляю «Вести Гнездыча»! — воспользовавшись моментом, завопил, как бешеный, Пиотр.

— Так вы идете? — с нетерпением в голосе подогнал меня Кастан.

— Надеюсь, суним Кравчик, вы достаточно согрели для меня свое место? — пробормотала я и, толкнув нахально встрявшего конкурента, ринулась к воротам.

Ощущая волну всеобщей ненависти, я прошмыгнула сквозь приоткрытые стражами кованые створки и нагнала судебного заступника.

— Никогда не видел столь застенчивой газетчицы, — буркнул он недовольно.

— Почему вы выбрали меня? — полюбопытствовала я.

— У вас честные глаза.

Ошалелая от происходящего горничная проводила нас в роскошный будуар, где в компании импресарио Савушки страдала театральная звезда. В комнате тяжело пахло розовым благовонием и старой пудрой. Осторожно отодвигая пальцем закрытые портьеры, усач в желтом камзоле, делавшем его похожим на пузатую канарейку, украдкой подглядывал за толпой на улице.

При нашем появлении Жулита вскрикнула:

— Кастан, спасите мою жизнь!

Она явно переигрывала и выглядела до нелепости больной, но сунима Стомму, похоже, совершенно не волновало поведение клиентов, пока они платили золотые. Он был абсолютно непроницаем к наигранным слезам.

— Слышал, что они прислали письмо с просьбой не приезжать на вечерний спектакль? — Он плеснул из графина в стакан воды и заменил бокал с алкоголем в руках актрисы.

— Они посмели дать мне от ворот поворот! — Жулита сделала пару больших глотков, даже не осознав, что пьет простую воду. — Представляете? Им не понравилось, что я невинно беседовала с поклонником своего таланта в гримерной комнате. Сказали, что это *непристойно!*

Конечно, невинно... Я едва слышно хмыкнула, чем невольно привлекла к себе всеобщее внимание.

— Помощница иллюзиониста? — нахмурилась Жулита.

В комнате наступила настороженная тишина. Я оцепенела.

Актерка поднялась и приблизилась ко мне. От нее сильно пахло алкоголем.

— Это ведь ты вчера выпала из волшебного шкафа?

Я покосилась на Кастана Стомму. На лице того мелькнуло такое выражение, будто он раз и навсегда решил, что у его знаменитой клиентки от распутства съехала крыша.

— Газетчица Войнич, — не растерялась я и ловким жестом сунула под нос девице личную карточку. — «Уличные хроники». Суним Сто...

— Ты притащил сюда одну из них?! — взвизгнула театральная звезда и указала пальцем в зашторенное окно.

— Вы же хотите вернуться на подмостки? — спокойно уточнил судебный заступник.

Прима переглянулась с импресарио и неуверенно кивнула.

— Нима Войнич — ваш пропуск обратно в театр. Расскажите городу о том, какое ужасное недоразу-

мение произошло вчера вечером, а милая Катарина поможет людям узнать о нем, — предложил Кастан.

Последовала очередная пауза.

— Дорогуша, слова твоего судебного заступника кажутся логичными... — попытался вставить осторожное слово Савушка и нервическим жестом обтер рот.

— Заткнись ты! — Жулита махнула рукой. — Я думаю!

Она действительно напряженно думала и грызла ногу.

— Но ведь «Уличные хроники» даже у центральных ворот не вывешивают, — после долгого молчания изрекла актерка.

— Зато на рыночных площадях нас просто обожают, — вставила я, вытаскивая из сумки выдавший виды гравират. — Откройте шторы и поверните кресло к свету.

Импресарио немедленно рванул портьеры, позволяя солнечным лучам ворваться в душное полутемное царство.

— Почему мне эта штука кажется такой знакомой? — пробормотала актерка и, плюхнувшись в кресло, приняла образ оболганной невинности...

Когда интервью закончилось, я проверила пластинки с гравировкой на свет. Оттиски получились отличные, четкие, крупные, хоть сейчас вывешивай портреты раскаявшейся Жулиты на новостные щиты. Во время интервью она плакала с такой искренностью, что вызвала бы сочувствие даже у столетнего сухаря.

— «Молнию» и колонку выпустят завтра утром, — объявила я, убирая пластины в деревянный ящичек.

Актерка слабо махнула рукой.

— Если вы закончили, то я отвезу вас в контору, — предложил Кастан Стомма.

— Я лучше своим ходом.

Становилось не по себе от мысли, что пронизательный судебный заступник сложил воедино комбинацию из газетчицы с честными глазами, волшебного шкафа и утреннего скандала.

— Я отвезу вас. — Мы на мгновение встретились глазами, и стало ясно, что он действительно хотел бы задать пару неприятных вопросов.

— Ну, раз нам по пути... — вынужденно согласилась я.

У Кастана Стоммы оказалась самая удобная карета, в какой мне приходилось ездить за всю сознательную жизнь: с мягкими кожаными сиденьями и потолком, затянутым натуральной замшей. Она не билась по брусчатке в предсмертных конвульсиях, подобно наемным кэбам, а мягко покачивалась на рессорах. Выезжая со двора, я немного отодвинула кожаную занавеску и глянула на газетчиков, провожавших экипаж недобрыми взглядами.

— Катарина Войнич, газетный лист «Уличные хроники», — произнес Кастан, привлекая мое внимание.

— Простите?

Он продемонстрировал мою личную карточку с гербом «Уличных хроник» в уголке, врученную мною Жулите.

— Давно вы в ремесле?

— Около трех лет, — копируя светский тон собеседника, ответила я.

— Чем занимались прежде?

— Училась игре на клавесинах и заграничным языкам в Институте благородных девиц.

— Почему не доучились? — От ледяных глаз судебного заступника, наверное, замерзла бы вода в стакане.

— Видимо, оказалась не столь благородной, как требовали правила, — отозвалась я. — О чем вы хотели поговорить?

Губы Кастана тронула усмешка, едва заметная, как будто только дрогнул уголок губ, но аристократическое лицо немислимым образом приобрело столько мужской привлекательности, что, наверное, у монашки екнуло бы сердце. Не зря за Стоммой-младшим ходила слава сердцеда.

— Могу я называть вас Катарина?

Я кивнула.

— Так вот, Катарина, хочу прояснить одну вещь, чтобы просто понимать, что мы оба верно расцениваем ситуацию.

Изображая живейший интерес, я изогнула брови.

— Завтра утром «Уличные хроники» расскажут слезливую историю о несправедливо оговоренной нине актерке, которая очень хочет вернуться на сцену. Иначе я вас засужу.

— Конечно, никакой самодеятельности, — согласно кивнула я. — Но есть одна проблема.

— Какая же?

— Вдруг суниму Стомме не понравится заголовок?

— Тогда я засужу не только газетный лист, но и вас лично.

— Может, сразу выберем название для колонки? — без иронии предложила я. — А то страх перед судом начисто лишает меня воображения.

В лице Кастана на мгновение мелькнуло странное выражение, а потом он расхохотался. Отвращиваясь, я пробормотала:

— Вот теперь вы меня точно испугали.

В «Жирной утке» набилась толпа народа. За окном стемнело, и помещение, озаренное лишь тусклыми масляными лампами, утопало в полумраке и глубоких тенях. Духота пахла дешевым элем, и с каждым часом, проведенным за длинным добротным столом в компании спиртного, газетчики говорили все громче.

— За завтрашний день! — в очередной раз провозгласил шеф и поднял тяжелую кружку с солодовым напитком. После того как утренний номер «Уличных хроник» с интервью заплаканной Жулиты ушел в печать, контора вздохнула с облегчением. Отчего-то все были уверены, что завтра утром я проснусь знаменитой, а газетный лист заслуженно переместится с рыночных площадей в центральные переулки.

А мне, измотанной бессонной ночью и долгим днем, хотелось просто заснуть. Сидя за общим столом, я подпирала щеку рукой и клевала носом, хотя не сделала ни глотка эля.

— Уйдешь ты теперь от нас, Катарина, — с мрачной решимостью пророчил шеф. — Сбежишь в «Вести Гнездича».

— Куда я денусь, шеф? Не уйду! А если еще помощника личного дадите, так буду вас до самой

отставки мучить, — зевнула я и с тоской оглянулась к большим настенным часам, не представляя, как сбежать хотя бы с затянувшегося веселья.

Со второго этажа, где располагались комнаты для постоя и закрытые трапезные, по деревянной лестнице спустилось несколько человек. Неожиданно среди прочих я узнала Пиотра Кравчика. Наши взгляды встретились, и вдруг на нервическом лице газетчика мелькнула нехорошая ухмылка. Он вышел за дверь, а у меня окончательно отпало желание праздновать. Под благовидным предлогом я сбежала из едальни.

— Не смей завтра опаздывать! — проводил меня полупьяным замечанием шеф.

— Приду тютелька в тютельку!

— Не надо в тютельку! Надо в восемь! — отрезало хмельное руководство.

— Про помощника я серьезно! — на всякий случай напомнила я. Вдруг пообещают?

Небо было беззвездным, а воздух — ледяным. Холодный ветер звенел в маковках фонарных столбов, тревожил худенькие огоньки уличного освещения. Улицы опустели, в будках мерзли ночные постовые. И я бы обязательно добралась до омнибусной станции без приключений, если бы на Горбатом мосту, какой в народе прозвали «мостом самоубийц», не заметила худенькую девушку, с пугающей смелостью забравшуюся на парапет.

В панике я покрутила головой, надеясь позвать кого-нибудь на помощь, но, как назло, вокруг не было ни души. Девица вытянулась в струнку, расставила руки, словно приготовилась взмахнуть ими,

как крыльями. Злой ветер рванул подол платья, обрисовал контуры тела: ноги, талию, грудь.

Внизу плескались черные ледяные воды Вислы.

— Стой!!! — заорала я как чокнутая и сорвалась с места. — Нима, стой где стоишь!!

Тяжело дыша, я подскочила к самоубийце и, к собственному изумлению, узнала актеру Жулиту.

— Нима Жулита! Меня зовут Катарина Войнич, я сегодня с утра к вам приходила с судебным заступником Кастаном-как-его-там-фамилия!

Она не слышала меня, точно в трансе смотрела в беззвездное небо пустыми глазами, не замечала, что стоит на самом краешке парапета. Один неверный шаг — и под ногами разверзнется ледяная Висла с неровным, илистым дном.

Забравшись на каменную ступеньку, я протянула трясущуюся руку.

— Хватайтесь, нима! Отставка из театра — не повод топиться. Знаете, сколько в королевстве театров, где вы еще не выступали? На полжизни хватит...

Злой порыв ветра заставил девушку пошатнуться.

— Держись!

Ловко изогнувшись, я вцепилась в самоубийцу и со всей силы сдернула с парапета. Вместе мы шибанулись о мостовую. От сильного удара в плече что-то нехорошо хрустнуло, а из глаз посыпались звездочки.

Жулита слабо пошевелилась, потом села. Она диковато огляделась вокруг, точно сомнамбула, заснувшая в теплой постели, но неожиданно обнаружившая себя посреди холодной улицы.

— Нима, вы очнулись? — потирая ушибленное плечо, промычала я.

Она пару раз моргнула, видимо, пытаясь собраться с мыслями. Дотронулась до рассеченной брови, с недоумением посмотрела на испачканные кровью пальцы, а потом пролепетала с полубезумным видом:

— Пожалуйста, помогите! Он хочет меня убить!

II

ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

— Я понимаю, раньше ты домой притаскивала раненых собак... но актерок? — пробормотал отец, наливая успокоительный отвар из ковшика в кружку. Снадобье окрасило стенки посуды темным налетом.

— Я чувствую ответственность за нее... — тихо-нечко отозвалась я и добавила, не желая вдаваться в подробности: — Кое за что.

Пытаясь проверить, не услышала ли гостья перешептывания, мы одновременно оглянулись к столу, где, понурившись, сидела растрепанная Жулита и куталась в клетчатый плед. Вид известной актрисы, завернутой в одеяло, каким еще вчера вечером отец оборачивал ноги, чтобы от холода не ныли суставы, казался диковатым.

— Бедная девочка, — поцокал языком отец.

Он поставил перед актрисой дымящуюся кружку.

— Выпейте. — Когда Жулита принялась к содержимому, поспешил уверить: — Это поможет вам расслабиться.

Она с сомнением покосилась в мою сторону, словно спрашивая, стоит ли рисковать здоровьем.

— Расслабиться, а не расслабить, — уточнила я, присаживаясь к столу. — Пахнет не очень, но успокаивает хорошо.

— Снадобья и не должны пахнуть розами, — оскорбленно проворчал папа себе под нос, продолжая наш многолетний спор на тему неудобоваримых ароматов его настоек.

— Спорное утверждение.

— Спасибо, — отозвалась Жулита, и когда сделала крошечный глоточек, то мы с отцом, без преувеличений, задержали дыхание. — На вкус неплохо.

Из сбивчивого рассказа актрисы нам удалось понять, что она даже мысли не держала о самоубийстве и совершенно не понимала, как оказалась на парاپете. Помнила, что к ней пришел импресарио, а очнулась она уже на мосту, глядя в мое перекошенное от ужаса лицо.

— Я думаю, что это он... — сдавленным голосом произнесла она. — Чеслав Конопка.

— Королевский посол? — шепотом уточнила я, точно высокородный чиновник мог меня услышать и предъявить обвинения в клевете.

Девушка серьезно кивнула:

— Он не оставит меня в живых... после того как пострадала его драгоценная репутация. — Она судорожно всхлипнула, приложила ладонь ко рту, пытается сдержать рыдания.

— Пейте, пейте, Жу... Жулита... — С осторожной улыбкой отец заставил гостью сделать еще один глоточек.

— Да какая Жулита, — махнула она рукой. — Меня зовут Анна Кобыльская. Савушка решил, что моя фамилия не слишком романтическая для актрисы.

— Савушка? — не поняла я.

— Этот подлец, мой импресарио. — Она шмыгнула носом. — Скорее всего, он уже на полпути к Теурии¹. Заморочил меня и сбежал.

Невольно мне представилась закрытая почтовая карета и трясущийся среди сонных пассажиров усач в канареечном костюме, без оглядки сбежавший в соседнее королевство.

— Есть кто-нибудь, у кого вы сможете укрыться? — мягко спросил отец. — Родственники, родители?

Девушка тихо покачала головой.

— А судебный заступник? — вдруг сверкнула у меня мысль. — Кастан Стомма! Мне показалось, что вы довольно близки...

— Разве вы не знаете, чей он родственник? — фыркнула Анна-Жулита. — Вы не представляете, какие это страшные люди. Они помогают только друг другу, а от неугодных людей избавляются не задумываясь.

У нее снова задрожали губы.

— Пейте! — в один голос посоветовали мы с отцом, едва ли не насильно заставив отхлебнуть настойку.

— Тогда что вы собираетесь делать? — осторожно спросил отец.

Жулита посмотрела на нас огромными заплаканными глазами, особенно темными и глубокими в блеклом свете почти истлевшего кристалла.

---

¹ Теурия — равнинная страна, граничащая с Алмерией на западе королевства. Теурию называют страной дождей и беглых каторжников.

— Разрешите мне укрыться здесь! На время... Я боюсь возвращаться в тот особняк.

Мы с отцом задумчиво переглянулись. Одно дело было спасти самоубийцу, успокоить и спровадить к родственникам в деревню, но совсем другое — спрятать неудачливую любовницу королевского вельможи, замыслившего избавиться от темного пятна на реноме.

Пауза затягивалась. Не придумав ничего получше, папа хитро уклонился от прямого ответа:

— Уже поздно. Давайте спать, а завтра решим, что делать. Катарина ляжет в комнате для гостей.

— Я? — невольно вырвалось у меня.

Комнатой для гостей он важно называл каморку у лестницы, где обычно оставались его приятели, приезжавшие в Гнездич из столицы и не желавшие тратиться на дорогие постоялые дома.

— Мы же не можем заставить нашу гостью спать на топчане, — с нажимом заметил он.

И этот человек ругал меня за то, что в детстве я таскала домой побитых собак!

— Спасибо, дядюшка! — шмыгнула Анна-Жулита и одарила нас слабой улыбкой, способной растопить даже ледяное сердце, а не только таких простаков, как мы, подбиравших по всему Кривому переулку раненых животных или бесплатно отсыпавших дорожные травяные пилюли нищим старухам.

Каморка находилась как раз над отцовской мастерской, где он хранил снадобья и сушил травы, и запах витал соответственный. Вместо кровати к стене был придвинут узкий топчан с периной, набитой лежалыми перьями.

Шла середина ночи, а я не сомкнула глаз — вертелась, как окаянная, пытаюсь найти удобную позу, однако то упиралась коленками в ледяную деревянную стену, то роняла с торца твердую, как камень, подушку.

Вдруг показалось, что в тишине заскрипели половицы. Приподнявшись на локтях, я напряженно прислушалась к подозрительным звукам. По ночам в старом особняке наступала первозданная тишина, какая поселяется лишь в местах, измученных за день бесконечной вереницей посетителей, а потому каждый шорох точно множился бы в силе.

Подхватив трещащую от натуги магическую лампу, я выглянула в ледяной коридор. Дом спал.

— Анна, это вы? — позвала я, поднимая над головой ночник. По полу растянулись длинные кривые тени, мгла испуганно съежилась и отхлынула в углы. Кухня и гостиная с остывавшим камином казались тихими и покойными. В комнатах никого не было.

В этот момент лампа пару раз мигнула, а потом погасла. Слепленная, я замерла на месте, пытаюсь привыкнуть к непролазной темноте, и вдруг поняла, что за спиной стоит человек. От страха в голове стало звонко и пусто, в ушах тоненько зазвенело.

Незнакомец не двигался.

— Это ты? — тихо спросила я, почти уверенная, что в собственном доме столкнулась с тем самым ночным посыльным.

— Ты никогда не слушаешь чужих советов? — раздался мягкий мужской баритон. — Я же просил тебя не быть такой бесст...

Не дослушав, я резко развернулась на пятках. Он стоял гораздо ближе, чем мне представлялось, и был

выше, чем мне помнилось по нападению на рынке. Я могла видеть лицо, бледное, с размытыми чертами, провалами глаз, линией рта. Темнота скрывала его лучше любой маски.

Сколько ему было лет?

Мне хотелось дотронуться до него и осознать, что он не призрак, а реальный человек. Сама того не осознавая, я протянула руку, но ночной гость отошел, бесшумно, быстро, только кончиками пальцев успела мазнуть по кожаной куртке. Он был живым, сильным мужчиной. Не привидение и не морок.

— Я знаю, кто ты. — То ли от страха, то ли от волнения у меня перехватывало дыхание. — Почему ты рыщешь по моему дому? Я твое новое задание?

Мне показалось, что он усмехнулся.

— Катарина, ты с кем-то разговариваешь? — прозвучал из спальни хриловатый ото сна голос отца.

Из-под двери прочертилась полоска яркого света. Пробуждение родителя напугало меня больше, чем появление нежданного визитера. Стоило всего на секунду оглянуться к отцовской спальне, как ночной посыльный испарился. По лестнице, винтом спускавшейся в аптекарскую лавку, прошелестели быстрые шаги. Я бросилась к перилам, даже перегнулась, но в густых потемках не разглядела неуловимого гостя.

Неприятно заскрипела дверь в отцовскую спальню, и коридор озарился ярким светом свеженького магического кристалла.

— Ты почему не спишь? — Сонный отец шурился в мою сторону. Наряженный в длинную широкую сорочку и со скосбоченным ночным колпаком на

голове, он походил на привидение сумасшедшего ключника.

— Не могу заснуть, — не покривила я душой.

— Мне показалось, что ты с кем-то говорила, — с подозрением протянул он. — И этот кто-то отвечал мужским голосом.

— В середине-то ночи? — фыркнула я, направляясь к каморке.

— Лампу возьмешь? — вяло предложил отец.

— Свет спать мешает.

— С каких это пор тебе свет спать мешает? — Спросонья отец быстро раздражился.

— Спокойной ночи!

Его ворчание заглушила закрывшаяся дверь в каморку. Улегшись в потемках на твердую перину, я завернулась с головой в стеганое одеяло. Внутри уютного, пахнущего травами кокона царило спокойствие. Тепло навевало сладкую дрему.

Наверное, после столкновения с ночным гостем я должна была испытывать тревогу и прислушиваться к любому звуку, но в противовес здравому смыслу меня, точно невидимой вуалью, окутывало ощущение абсолютной безопасности.

За ночь погода испортилась. Небо заволкло низкими тучами, улицы наполнились злыми сквозняками, и город оцепенел, пытаясь угадать, чего ожидать от весенней непогоды — ледяного дождя или снега.

Кутаясь в душегрейку, быстрым шагом я спустилась из Кривого переулка к людной площади с омнибусной станцией. В разношерстной толпе надры-

вал горло мальчишка с перекинутыми через локоть листовками.

— Срочная новость! — кричал он, распугивая народ. — Жулита не выдержала позора и спрыгнула с моста!

Что?!

Опешив, я ловко выхватила из рук пацаненка совсем свеженькую листовку. Бумага пахла свинцовыми чернилами, на полях темнели следы от пальцев разносчика. Под черно-белым портретом актрисы, запечатленной на сцене, было напечатано предсмертное послание, написанное мелким и таким неразборчивым почерком, будто Жулита едва-едва умела держать в руках перо. В колонке тоже шла сущая околесица о муках совести и прочей белиберде.

При виде имени Пиотра Кравчика, автора горячей новости, у меня, кажется, вытянулось лицо. Невольно вспомнились темный зал едальни, ухмылявшийся газетчик и важные господа, с кем он спускался из закрытых кабинетов. Жулита не врала, когда утверждала, будто от нее пытались избавиться! Убийцы не учли только одного, что кто-то может вмешаться и спасти замороженную колдовством жертву. Они не учли меня!

...Мы в большой беде?

Недолго думая, я развернулась и, снова наплевав, что благородные девицы ходят размеренным шагом, держа спину, бросилась обратно в аптекарскую лавку. Ворвавшись в звякнувшие переливчатым колокольчиком двери, я тут же поняла, что новости о смерти Жулиты уже просочились в царство лекарственных трав. Более того, обсуждаются громкими

голосами и с живейшим интересом всей длинной очередью.

С непроницаемым видом, словно похороненная молвой актерка не пряталась в хозяйской гостиной, отец выдвигал ящички у аптекарского стеллажа, прихватывал большими пальцами щепотки сушеных трав и бросал в бумажный рожок. При моем появлении родитель оглянулся через плечо и резюмировал:

— Вернулась?

Народ с любопытством посмотрел в мою сторону.

— Забыла... кое-что, — нашлась я и, прогрохотав каблуками по деревянной лестнице, взлетела на второй этаж.

Бледная, как кипенная простыня, актерка сидела на краешке дивана и невидяще таранилась в пустоту. На коленях, прикрытых простым коленкорovým платьем, лежала злосчастная листовка.

— Анна, — позвала я.

Она заторможенно повернула голову. От тоски, застывшей в больших темных глазах, на меня снова нахлынуло чувство вины.

— Простите, что не поверила вчера, когда вы говорили...

Неожиданно Жулита вскочила на ноги, и листовка соскользнула на пол.

— Ты обязана мне помочь! — Взгляд у актриски стал полубезумный.

— Конечно, вы можете оставаться здесь, пока не решите, что делать дальше. Шумиха скоро уляжется...

— Я хочу опровержение! Хочу исправить эту чудовищную нелепость! — перебила она меня. — Сегодня же! Они подделали предсмертную записку!

Так? Значит, я должна написать своей рукой о том, что жива! Гравират с тобой?

Я неуверенно кивнула.

— Превосходно! Сделай оттиски! Вот так! — Она подошла к окну и встала вполоборота. — Я лучше всего получаюсь в таком ракурсе...

Видя мои колебания, она вдруг разъярилась:

— В конце концов, все началось с тебя! Если бы ты не следила за мной, то я бы сейчас собирала сундуки и переезжала в столицу!

Она указала на меня пальцем, как будто больно ткнула в совесть.

— Хорошо.

Сдаваясь, я достала из секретера письменные принадлежности.

— Пишите...

«Уличные хроники» занимали несколько стылых комнатушек в полуподвальном помещении и соседствовали с «Вестями Гнездича», занимавшими три верхних этажа, не только уютных, но и исключительно теплых, не требующих специального обогрева. Возможно, среди конкурентов служили неплохие ребята, получше Пиотра-подлеца-Кравчика, но того, что в морозы на их рабочих столах не замерзали чернила, а в коридорах стояли проклятые фикусы, было достаточно для глухой ненависти, сплывавшей наш разноперый коллектив.

В конторе «Уличных хроник» царил не только влажный холод, с каким не справлялся очаг с тлеющими углями, но и уныние. Шеф сидел за большим обшарпанным столом, заваленным бумагами, и дер-

жался за голову. Угрюмое настроение начальства и новости о смерти Жулиты, главной героини утреннего выпуска, явно усугубили коллективное похмелье, ведь обычно сослуживцы праздновали до последнего гуляки, упавшего лицом в тарелку с закусками.

— Явилась! — буркнул шеф в напряженной тишине. — Ты время видела?

— Я с колонкой! — с порога с воодушевлением заявила я, хотя внутренне сжималась от предчувствия, куда именно меня пошлют с новостями о том, что погибшая актерка вовсе не погибла. Наверняка в королевские оранжереи собирать материал о цветочной выставке.

Коллеги оживились, но стоило шефу злобно зыркнуть в их сторону, как они тут же сникли, словно увядающие венчики тюльпанов. Только незнакомый парень, видимо, новенький, прижав к груди сумку, поспешно приподнялся со стула, чтобы поприветствовать меня:

— 3-3-здрасьте!

— Угу, — согласилась я и, мгновенно забыв про него, аккуратно подсунула шефу опровержение Анны Кобыльской.

— Что это?

— Это письмо Жулиты о том, что она жива!

— Ты меня разыгрываешь? — Он взялся за заметку, приблизил к носу, отдалил, потом на ощупь отыскал под завалами бумаг монокль и, прищурился один глаз, принялся изучать.

— Прямо сейчас Жулита, живая и здоровая, прячется в лавке моего отца! Она думает, что ее пытался убить Чеслав Конопка...